

Беларусь на ладони. К 100-летию со дня рождения И. Шамякина

Алесь МАРТИНОВИЧ

Славьтесь, Мария и Иван!

Вряд ли кто из тех, кто хорошо знаком с творчеством Льва Толстого, не помнит этих строк, давно ставших хрестоматийными: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему...» Конечно же, это начало его замечательного романа «Анна Каренина». Вспомнился мне этот роман Льва Николаевича не случайно. Хотя, если хорошо разобраться, то ничего случайного в жизни не бывает. Обязательно существует некая причинно-следственная связь. Данный случай — еще одно тому подтверждение.

Перед тем, как в моей памяти невольно всплыло начало «Анны Карениной», перечитывал повесть Ивана Шамякина «Славься, Мария!». Именно перечитывал, а не читал, поскольку знаком с этим произведением еще по первой его публикации. Если не подзабыл, то это был один из номеров журнала «Маладосць». Впрочем, не так и существенно, когда я, благодаря новости «Славься, Мария!» впервые открыл для себя еще одну страницу творчества замечательного мастера нашей национальной словесности. Чего никак не могу забыть, так это того, насколько убедительно, правдиво искренне, я бы даже сказал, с доверительностью к читателю, рассказал И. Шамякин о своей первой и единственной любви — жене Марии Филатовне. Ей, кстати, нашлось место и в его дневниках, начиная с первых, еще юношеских, довоенных, и оканчивая записями последних лет.

Еще при первом чтении повести «Славься, Мария!» подумалось, что у немногих белорусских писателей была такая счастливая и дружная семья, как у И. Шамякина. Что нисколько в этом не ошибаюсь, понял, когда издательство «Мастацкая літаратура» в своей серии «Жыццё знакамітых людзей Беларусі» выпустило книгу «Іван Шамякін. Летапісец эпохі», в которой немало сведений не только о Шамякине-писателе, Шамякине-общественном деятеле, но и о Шамякине-человеке, семьянине.

Да и в разговоре с писателями, особенно представителями старшего поколения, неоднократно убеждался, что невозможно найти еще одного такого белорусского литератора, у которого бы в личной жизни все было так гармонично. Поэтому и захотелось мне рассказать о большой и неугасаемой любви Ивана Петровича и Марии Филатовны, которую они смогли пронести чистой и незапятнанной через всю свою совместную жизнь. А также поведать и о том, как любовь к жене помогала И. Шамякину не только жить, но и писать (это без преувеличения!) значимые высокохудожественные произведения.

Для того же, чтобы об этой любви рассказать как можно обстоятельнее, конечно, никак не обойтись без... оживления своей памяти. Поэтому и взялся за прочтение повести «Славься, Мария!» второй раз — более внимательное, осмысленное, чтобы ничего не упустить. Знакомился с этим произведением уже не как обычный читатель, а с усиленным, углубленным погружением в самую суть того, о чем писатель рассказывает. По сути, с проникновением в душу и самого рассказчика, и, в одинаковой степени, того, кто вызвал его на эту исповедь.

Счастье И. Шамякина сочетало в себе любовь, что само по себе понятно; взаимоуважение и взаимопонимание с женой — это также не нечто исключительное в счастливых семьях. Но было еще и иное: единение двух сердец, бившихся в унисон, способствовало творчеству. Конечно, Мария Филатовна книг не писала. Она только перепечатывала написанное мужем, а это за 58 лет их совместной жизни — не сотни, а тысячи страниц рукописей. И. Шамякин так и не научился печатать на машинке. Все свои произведения, начиная от рассказов, статей и завершая повестями, романами, он писал от руки.

Однако это «соавторство» проявлялось и в ином, куда более существенном и важном: именно Мария Филатовна стала для И. Шамякина прототипом многих женских образов в его произведениях. Так что — хочешь того или не хочешь, а семейное счастье Шамякиных — это нечто исключительное.

Повесть «Славься, Мария!» писалась, как отмечено в конце произведения, в июле-сентябре 1998 года. Марии же Филатовны не стало 27 мая 1998-го. Нетрудно заметить, что взялся Иван Петрович за перо после того, как исполнилось сорок дней после ухода его жены в вечность. Не случайно и то, что повесть эта, хотя в ней и нет традиционного в таких случаях сюжета, имеет такое подзаглавие: «Гісторыя кахання, любові і жыцця». Привожу в оригинале для того, чтобы читатель, не знающий белорусского языка, понял, что слова «каханне» и «любоў» не равнозначны русскому слову «любовь».

Эта «гісторыя, кахання, любові і жыцця» И. Шамякиным начала писаться еще при жизни Марии Филатовны. Тогда, когда она еще не была его женой, а была просто Машей Кротовой. Началом этой «истории...», по сути, стали рассуждения юного Вани Шамякина, которые он доверял бумаге. Об этом можно узнать из его дневника, который он вел, будучи уже признанным писателем. Вспомнил однажды и о своем юношеском дневнике. Запись от 11 ноября 1981 года как бы дневник в дневнике: «Разбирая перед ремонтом дачи рукописные завалы, нашли ободранную тетрадь — мой юношеский дневник за март-май 1939 года. Это «разгар» моей любви к Маше, наши встречи на улице Островского в Гомеле. Безусловно, дневник наполнен любовью. Но — Боже мой! — неужели в 18 лет мы были такими возвышенно наивными? Тяжело поверить. Многие записи читаешь и краснеешь за наивность свою. А может, это и хорошо, что мы были такими? Но возможно и иное: отношения наши были простейшие, натуральные, а мне, глупцу, который считал себя поэтом, хотелось записывать их так — поэтически-возвышенно, идиллично. Например, не помню, чтобы я обращался к Маше: «Моя маленькая Ласточка», ибо позже такого не было ни в письмах из армии, ни позже, когда я вернулся с войны по-прежнему таким же идеалистом и так же влюбленным по уши в свою жену. При всей горячей нашей любви мы никогда не унижались до сюсюканья вроде «ласточка», «котик»...»

Конечно, тот юношеский дневник не мог не тронуть уже 60-летнего его автора, своей наивностью, в чем он и признается. Как признается и в том, что краснел: «Однако не столько от самих записей, сколько от иного. Лет тридцать назад, когда я с семьей начал проводить отпуск в Терухе, Машина сестра и некоторые ее школьные подруги говорили: «Ой, Петрович! При немцах, когда не было чего читать, мы ваши дневники читали. Интересней любого романа». Я и тогда краснел и упрекал Машу: пустила по рукам интимные записи. Требовал, чтобы она «изъяла» дневники из этой «народной библиотеки».

Но тогда, в молодости, эта наивность не замечалась, тем более что в душе был поэтом, пробовал писать стихи, над всем преобладали чувства, доселе неизвестные, а поэтому еще больше манящие к себе, зовущие. И так хотелось любить и быть любимым. Особенно когда начал учиться в Гомельском техникуме строительных материалов. Только одна запись, от 30 марта 1939 года: «...Вчера весь вечер любовался Настей Толкачевой. Эта маленькая студентка первого курса так чарующе выглядит! Она такая смелая и всегда улыбается так искренне и наивно,

что на душе становится легче и веселее. Я боюсь, чтобы из любимицы она не превратилась в любимую».

Боязнь вовсе не случайно появилась, ибо в его душе постоянно уже присутствовала та, которую в мыслях ласково называл Ласточкой. Чувствам было тесно в сердце. Это, однако, не означает, что исчезли все сомнения. Но и присутствовали переживания, понятные любому влюбленному во все времена. Это в записях также не обделено вниманием. Не об этом ли запись от 31 марта 1939 года: «Сегодня она показалась мне такой маленькой, шупленькой, как никогда, и выглядела совсем некрасивой. Но это не только не отдалило от нее, а наоборот — приблизило, новая искра разгорелась где-то внутри, — мне хотелось взять ее на руки и целовать, и целовать, целовать и укачивать, пока она не уснет. Не помню, как я высказал эту мысль ей».

А впереди была разлука: Маша Кротова окончила медицинское училище, поехала работать по распределению. Опять начались для Вани Шамякина волнения, переживания, снова начала давить на него некоторая неопределенность. Появляется даже мысль, что их пути-дороги могут разойтись навсегда. Но он сразу же гонит эту мысль прочь: никто, кроме Маши, ему не нужен. Об этом сделал в дневнике запись 9 мая 1939-го: «Иногда я забываю ее. И пугаюсь этих мгновений. Быстрее бы прислала она фотокарточку, а то, чего доброго, еще забудешь черты ее милого лица. Но ее, саму ее, я не забуду никогда. Пройдут годы, пусть женюсь на другой, но Машу, Маленькую Ласточку, вечера на Островского не забуду. Трудно будет жене переносить мои воспоминания о маленькой веселой, наивной и очень умной и развитой девочке. А я знаю по себе, что буду делать это. Особенно если немного рассержусь».

Но этого не будет. Я женюсь на Ласточке и потом буду вспоминать вечера на Островского, а она будет кидать остренькие словечки и смеяться, смеяться».

С Машей же Кротовой он встретился в Терушской школе. Отец Вани был лесничим, поэтому семья вынуждена была переезжать с места на место. Не мог не обратить внимания на эту девочку: «Маша была маленькая, рыженькая, с большими голубыми глазами, очень живыми, выразительными, в них отражались все ее чувства — удивление, радость, досада, обида. Маша была самая тихая и самая деликатная, по-современному сказали бы — интеллигентная. Были такие дети и в крестьянских школах».

Вскоре произошло то, что убедило Ваню, что именно Маша — его настоящий друг. Случилось все после того, как директор школы Солодкий, прошедший Гражданскую войну, оказался плохим психологом. Когда Шамякин не послушался его и не постригся, директор постриг его сам, да еще на глазах у всего класса: «Большинство учеников злорадно смеялись — дети жестокие — и бросали едкие шутки: «Стригут, как барана». Только одна худенькая девочка не смеялась, она стояла напротив, на лице ее отражалась мука, словно стригли ее саму, а в широких, всегда будто удивленных глазах плавали слезы. Это была Маша». Тогда-то Ваня подумал: «Вот единственный настоящий друг. Дороже сестры. Теперь одной ей буду показывать решение задач».

В этом проявлении признательности той, которую выделил среди других девочек, безусловно, немало детского. Хотя бы в этом желании отблагодарить помощью в решении задач. Но вместе с тем присутствует и то, что, если смотреть на происшедшее с высоты прожитых лет, очень существенно: душа к душе стремилась, уже присутствовала незримая нить, готовая связать судьбы Вани и Маши воедино. Хотя, как и часто бывает в жизни, все происходило не так и просто. В школу в деревне Теруха Шамякин ходил только три месяца. Отцу пришлось сменить место работы. Следовательно, Ваня с Машей расстались.

Встретился с ней И. Шамякин только через несколько лет, когда поступил в Гомельский техникум строительных материалов. По сути, самой судьбой была уготована ему эта встреча. Хотя почему только ему? Маше Кротовой — также.

Пошел со старшекурсниками на вечер, который должен был состояться в медицинском техникуме. Вечер, правда, отменили, но девушки-медики «высыпали из общежития во двор; старшие же были знакомы, имели симпатии». А дальше...

Как не привести следующий отрывок из повести «Слався, Мария!»?! Он написан так впечатляюще, будто сам, перенесшись на десятки лет назад, являешься свидетелем этой встречи:

«И вдруг обожгло меня — чудо! Прошло два с половиной года, а сразу узнал ее, подростковую, ставшую красивее, не такую уже рыжую, в ярком магазинном платье в зеленый горошек. Сердце почему-то пустилось в галоп. От неожиданности? От радости? Все-таки за годы увлечения кормянскими и маковскими девчатами иногда вспоминал именно ее — Машу Кротову, ее глаза в тумане слез и мученическое выражение на лице, когда меня Солодкий стриг овечьими ножницами.

У нее удивленно и, показалось мне, радостно стали больше глаза. Она первая спросила:

— Ты?

Я повторил ее вопрос:

— Ты? Ты здесь учишься?

— Поступила.

— И я поступил...

И, пожалуй, — все, что мы сказали».

Потому и «все», что ни у «пятнадцатилетнего донжуана» — так с улыбкой сказал о себе тогдашнем И. Шамякин, ни у Маши «не хватило смелости выйти из круга первокурсниц, отойти в сторону и поговорить, как и должно быть у добрых старых знакомых».

Да и позже они не сразу найдут надлежащий подход друг к другу. Скажется и стеснительность, и то, что найдутся желающие подшучивать. Мол, жених и невеста... Что ж, в юном возрасте это обычное явление. Но они, Ваня и Маша, пройдя через все это, наконец поймут, что им нужно быть вместе. Будет и для них самое суровое испытание — война. Это уже когда родится дочь. Однако все преодолеют, через все пройдут. Поймут, что в этом заслуга, если здесь уместно такое слово, в одинаковой степени обоих, но сам Иван Петрович всегда считал, что это, в первую очередь, заслуга его Маши, его Марии Филатовны.

Как жили, как прожили свою жизнь, и рассказывается в повести «Слався, Мария!». К этому уместны добавления и тех, кто находился рядом с ними или просто хорошо их знал. Но свидетельства близких людей особенно значимы. Скажем, старшей дочери Лины, родившейся в 1941 году. Лина Ивановна в своих воспоминаниях говорит и о чисто человеческих качествах родителей, о том, чем отличались они от других, что характеризовало их внешне: «...духовная атмосфера нашего дома притягивала теплотой. Мама брала в плен своей гостеприимностью, исключительно открытым отношением к людям, женственностью, душевной глубиной, искренностью. Как одним словом определить мамин характер? Надежность. И люди это чувствовали».

Шамякины всегда умели радоваться жизни, а тут... Еще из воспоминаний Лины Ивановны: «8 сентября 1950 года родился наш Саша. Радость была феноменальная. Папа просто танцевал от радости, все сообщал: сын! Назвали его Александром, кажется, в честь Александра Невского. Родители хотели, чтобы сын рос мужественным, благородным, защитником семьи».

Нельзя не согласиться с Владимиром Липским: «Во время, когда разрушаются семьи, а из-под них выбивается фундамент — вера и надежда, семья Шамякиных может стать образцом верного служения высоким чувствам и детям». Важно и то, о чем говорит и сам Иван Петрович: его жена умела гасить семейные конфликты. А в какой семье без них обходится?!

«Если конфликт доходил до белого каления, Маша, как правило, отступала первая, шла по своим делам, чтобы дать мне остыть. Остывал я быстро, а она, видимо, быстрее. Не припоминаю случая, чтобы мы дулись друг на друга больше часа-двух. Ни я, ни Маша не могли понять тех мужей и жену, которые, поссорившись, не разговаривали по две недели. Так было у Андрея с Аленой (у А. Макаенка и его жены. — А. М.); Андрей рассказывал, Маша, пожалуй, с материнской болью переживала за него.

— Как же можно так жить, Андрей?! Чтобы я с Иваном, находясь в одной квартире, не переговорила день, то не знаю, что со мной было бы. Я бы потеряла сознание. Мне показалось бы, что рушится моя жизнь».

«Но пусть читатель не подумает, — замечает Иван Петрович, — что мы все время жили в идиллии. Нет, жизнь суровая. Из самых частых бед — болезни детей. А они болели много — Лина, Саша... Сколько Маша натаскалась по больницам с Сашей! В Москву возили, в Киев. Перерос, спасибо Богу. Но в зрелом возрасте нажил иную болезнь, от которой мать страдала еще сильнее, чем при детских болезнях. Не получилась жизнь с Анатолием Роговцовым у Лины. Развелись. Боже, боюсь вспоминать, сколько пережила в это время Маша. Рассердилась на меня, когда я сказал, что не вижу ничего страшного в разводе, миллионы разводятся. Для нее развод — трагедия. Доказывала, что семья — святое и нерушимое.

— Несовременные у тебя взгляды.

Сердилась:

— Пошел ты со своей современностью! Не додумайся легко разводить своих героев».

Сына Александра Шамякины, к сожалению, не уберегли: «Самая большая наша с ней **общая** (выделено И. Шамякиным. — А. М.) трагедия — смерть сына. Александр, Саша, Сашенька. Каким он оставался для матери и в сорок лет, умер 12 сентября 1991 года. Внезапно. Выпил, лег в кровать...»

Смерть же Марии Филатовны также стала **общей** трагедией, но уже для него самого и детей, да и для всех тех, кто знал эту чудесную женщину. Среди них был и народный писатель Беларуси Иван Науменко — Шамякины и Науменки дружили семьями. На поминальном обеде в день похорон он сказал и то, что знали далеко не все: «Мария Филатовна явилась прототипом многих образов женщин в шамякиновских романах, повестях. Можете представить, какая это была натура. Какой характер, если этого хватило на десяток, если не больше, ярких, запоминающихся характеров белорусских женщин».

Эту мысль сам И. Шамякин развивает в повести «Славься, Мария!», приводя немало примеров, кто из персонажей был списан с Марии Филатовны, которая в той или иной степени стала их прототипом. Причем эти литературные герои очень непохожи друг на друга, что уже само по себе свидетельствует в пользу того, насколько неординарной личностью была жена Ивана Петровича. Да, личностью, а не просто интересной женщиной.

Поэтому и «хватило» ее на такие значимые образы, как Тася Батрак из романа «Возьму твою боль», Галина Адамовна, жена доктора Яроша из «Сердце на ладони», Поля из «Атлантов и кариатид». И даже Ольга Лянович из повести «Торговка и поэт» в какой-то степени это и Мария Филатовна. В какой-то, поскольку И. Шамякин писал ее и с жены И. Науменко — Ядвиги Павловны. Но у нее «взял» далеко не все качества. Возник вопрос: с кого «списать» героические качества героини? После раздумья он пришел к выводу, что «только Маша могла так стать подпольщицей, ехать в партизанскую зону и, раскрытая полицаем, взорвать его и себя. Только Маша!»

Чтобы убедиться, насколько прав в этом, «даже спросил ее: «Смогла бы?» Она прочитала рукопись и не сразу ответила: у Ольги оставался ребенок, и у нее в оккупации маленькая Лина, она не возила партизанам мины, но в ситуации, угрожающие смерти, попадала. Ответила: «У меня было столько ненависти

к ним, немцам, что я на все пошла бы... на смерть так на смерть. Ты разве не пошел бы?»

Татьяна Маевская в романе «Глубокое течение» также в чем-то Мария Филатовна в ее молодые годы. Да и весь сюжет в первой части этого произведения, связанный с нахождением в оккупации, — это и жизнь в то трудное, опасное время семьи Кротовых. И, конечно, нельзя обойти вниманием Сашу Троянову из пенталогии «Тревожное счастье». Именно Саша Троянова, отметил И. Шамякин, «ближе всего к Маше».

Свела Марию Филатовну в могилу тяжелая, неизлечимая болезнь — лейкоз. Держалась она мужественно, сдаваться не собиралась. О ее оптимизме говорит и то, что и в эти мучительные дни не забывала помочь мужу в его литературном труде. И. Шамякин пишет: «Но самое удивительное, что Маша в своем состоянии, находясь по две-три недели дома, перепечатала повесть («Губернатор». — А. М.). 200 страниц! Вот труженица! Вот воля и мужество!» Поддерживало ее и то, что за неделю до того, как врачи поставили ей этот страшный неутешительный диагноз, она «пережила последнюю в своей жизни радость».

В семье Алеси после двенадцати лет замужества наконец родился долгожданный ребенок, которого назвали в честь деда Ваней. Все время до этого Мария Филатовна «очень переживала за младшую дочь, ходила в церковь, ставила свечи, молилась, чтобы Бог дал Алесе ребенка». Ваня, которому в день смерти бабушки исполнилось всего семь месяцев, и помог дедушке выйти из того тяжелого психологического состояния, в котором он оказался.

Алеся Ивановна так рассказывает об этом: «Отец очень радовался внуку, даже не хотел летом надолго переезжать на дачу. Ваня рос на его глазах, учился ходить, говорить. Рядом с этим маленьким человечком немного утишилась боль в сердце. Сам отец говорил, что когда мы звали малого Ваню по имени: «Ваня, Ванёк, Ванё!» — то отцу казалось, что это его зовет Мария Филатовна».

Сам И. Шамякин прожил немало: родился 30 января 1921 года, умер 14 октября 2004-го. По сведениям тех, кто его хорошо знал, с особым волнением ожидал приближения своего 80-летия, понимая, что далеко не все смертные могут преодолеть этот жизненный рубеж. Даже называл процент тех, кому, достигнув такого возраста, удастся разменять свой девятый десяток. Цифра получалась не такая и большая, что, конечно, не могло не огорчать. Кажется, мысль об этом проскользнула где-то и в его дневниковой записи. К сожалению, когда конкретно, забыл. Что ж, состояние понятное: каждому хочется подольше побыть на этой грешной земле. Когда же ты, ко всему, еще и писатель, то давят на тебя и еще не осуществленные художественные замыслы. Хотя и сделано много, тем не менее, огорчение из-за того, что задуманное, скорее всего, не удастся осуществить, не проходит.

Правда, в годы, связанные с так называемой перестройкой, И. Шамякин работал много и очень успешно. Слово второе творческое дыхание у него появилось. И это при том, что далеко не все писатели и в семьдесят лет проявляют творческую активность. Хотя это обычно касается тех, кто никогда не утруждал себя тем, чтобы живо откликаться на процессы, происходящие в жизни современного общества. Иван Петрович, в отличие от них, этим всегда жил. Не случайно его называли (и справедливо!) художественным летописцем современности. Теперь же сама жизнь подсказывала ему все новые и новые темы. Появлялись, конечно, и новые литературные герои, да такие, о которых раньше и мечтать не приходилось.

Как никто другой, И. Шамякин изобличал перевертышей, которые вдруг резко поменяли свои взгляды, различного рода приспособленцев, бичевал тех, для кого отсутствовали высокие понятия морали, нравственности, честности. Одним словом, показывал истинное лицо тех, кто считал себя «хозяином жизни». Такая позиция его нравилась далеко не всем. Некоторые упрекали Ивана Петровича,

что он якобы не признает демократических преобразований в жизни общества, остается ретроградом. А он писал так, как писал и до этого: честно, правдиво, объективно. Так, чтобы не стыдно было смотреть своим читателям в глаза, да и перед потомками оставаться с чистой совестью.

Как и прежде, у Ивана Петровича было немало творческих планов. Все их хотелось осуществить, обо всем спешил рассказать. И это ему удавалось. Ведь известно, нет предела человеческим возможностям. Как, в частности, и писательским. Однако возраст все чаще и решительнее напоминал о себе. Каждый очередной прожитый год не лучшим образом сказывался на здоровье. Незаметно наступило и такое время, когда уже не стало и сил писать. Это при том, что по-прежнему еще сохранял свежий ум, проявлял живой интерес к жизни, быстро улавливал в ней то, что могло бы лечь в основу его очередного произведения. Очень радовался новому интересному собеседнику, видя, что тот мог бы стать прототипом одного из литературных героев. Но, увы, понимал, что написать обо всем этом ему уже не суждено.

Последние дни его были непростыми и для него самого, и для близких ему людей. Однако каждый достойно нес тяжелую ношу, которая выпала им перед тем, как Ивану Петровичу предстать перед Всевышним. Дни и ночи были похожи друг на друга своим однообразием. По словам дочери, «перед той ночью, которая стала для отца последней, ни ухудшения, ни улучшения его состояния не произошло. Все было, как и перед этим. Отец немного поужинал, попил воды на ночь, мы дали ему таблетку от давления, и отец уснул».

Ближе к полуночи сама Алесья, ее муж и сын Ваня легли спать. Для того, чтобы слышать, что происходит в кабинете Ивана Петровича, в котором он спал, двери, как и обычно в последнее время, оставили открытыми. Не закрывали их и у себя. Примерно до двух часов ночи все было спокойно. Но вдруг Алесья Ивановна неожиданно проснулась. Ее «побеспокоило дыхание отца, оно было звучным и каким-то натужным». Она разбудила мужа, и они вдвоем вошли в кабинет. Как оказалось, «отец не спал, посмотрел на нас и вдруг сказал:

— Шепчут... — и слабым движением руки показал куда-то в сторону.

Мы подумали, что это ему почудилось во сне.

— Здесь никого нет. Что шепчут? — спросил Сергей.

Ответ нас удивил:

— Молитвы. Там... Шепчут молитвы.

— Кто шепчет?

— Шепчут...

— Может, вы чего-то хотите? — спросил Сергей.

— Водички».

Попив воды, Иван Петрович попросил, чтобы дочь и зять шли спать. «На часах было 02. 25».

Немного полежав, даже не успев задремать, Алесья Ивановна и Сергей почувствовали, как «внезапно в квартире воцарилась какая-то страшная тишина». Они «быстренько пошли в кабинет» и сразу заметили, что отец уже не дышит. Попробовали было тормошить его, но безрезультатно. Посмотрели на часы, было 02. 45.

Оказывается, не ошибся И. Шамякин, утверждая, что ему слышался шепот молитв. «Ты знаешь, — сказал Алесе Ивановне ее муж, — а это ангелы за ним приходили и пели молитвы. Он уже слышал их, кто-то шептал в кабинете молитвы».

Ангелов услышал не случайно. Как истинный православный, Иван Петрович, готовясь предстать перед Господом, заранее подготовился к этому. Попросил дочь, чтобы «по православной традиции, последнюю ночь провел в своем доме, в квартире, где он прожил последние сорок лет», а также, «чтобы его проводил в последний путь священник». Поэтру Алесья Ивановна, когда после медицин-

ского освидетельствования «предлагали отставить тело [...] в морге и оттуда сразу везти на гражданскую панихиду в Дом офицеров», с таким предложением не согласилась, ибо то, как отец просил похоронить его, звучало своего рода завещанием. Выполнила она и еще одну просьбу Ивана Петровича. Их «сосед по дому Александр Вейник съездил в Свято-Елисаветинский монастырь и пригласил монахиню, которая всю ночь читала по отцу молитвы», а «на следующий день, утром, священник в квартире отслужил панихиду».

Умер И. Шамякин в день Праздника Покрова Пресвятой Богородицы. Божья Матерь ждала его и поспешила взять под свою опеку. Марию Филатовну пережил почти на шесть с половиной лет. Однако, живя без нее, по сути, по-прежнему жил и с нею. Жена постоянно была в его памяти. По ней он сверял свои поступки, с нею советовался в мыслях, когда писал тот или иной женский образ. Это было продолжением жизни не только его самого, но и жизни любимой жены. Не случайно в качестве эпиграфа к повести «Слався, Мария!» взял такие строки Л. Толстого:

«Любовь — благо, быть любимым — счастье. Какое странное и верное слово, что муж и жена (если они живут духовно) не двое, а одно существо».

Иван Петрович и Мария Филатовна и были таким единым существом, которое соединила любовь, а она, в свою очередь, помогла создать им такую семью, которая может (да и должна быть!) примером другим. Опять-таки не случайно и именно такое завершение повести-исповеди «Слався, Мария!»:

«Пусть светлый образ Марии Филатовны навечно останется в памяти не только близких ей людей, но всех, кто ее знал, а может, и у некоторых из тех, кто прочитает эту историю нашей любви, жизни.

Вам, мои внуки, адресую ее, мою исповедь».

Если что и можно добавить, так немного: Только то, что сегодня, по истечении многих лет, эта исповедь И. Шамякина позволяет лучше увидеть и его самого, вынесшего на читательский суд свое самое сокровенное. Имеется в виду не только писательское мастерство Ивана Петровича, которое в повести «Слався, Мария!», как и всегда у него, такое, что остается только по-хорошему позавидовать умению владеть словом. Благодаря этому произведению мы лучше увидели и Шамякина-мужа, семьянина, отца.

Хотя после повести «Слався, Мария!» Иван Петрович написал еще немало и других произведений, а в них, конечно, есть и интересные женские образы, пожалуй, ни в одном из этих произведений он не поднялся на такую высоту в осмыслении, воспевании женственности, как в этой повести. Это не только мое мнение. Такого же взгляда придерживается и лауреат Государственной премии Республики Беларусь, известная писательница Алена Василевич: «Лично я выделила бы и отметила у Ивана Шамякина один из самых значимых в белорусской литературе гимнов женщине-жене — его повесть “Слався, Мария!”».

Благословил же Иван Шамякин всех нас, прежде всего мужчин, на божественное преклонение перед женщиной, на почтительное отношение к ней, а самое главное — убедил личным примером, силой своего таланта, что любовь приобретает высший смысл тогда, когда завершается счастливой семейной жизнью, а еще лучше, если долгой.

